

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 9-КГ20-15-К1

№ 2-66/2019

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

г. Москва

20 октября 2020 г.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в составе

председательствующего
судей

Асташова С.В.,
Горшкова В.В. и Гетман Е.С.

рассмотрела в открытом судебном заседании дело по иску Мосягина Михаила Геннадьевича к федеральному казённому учреждению «Следственный изолятор № 3» Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Нижегородской области, к Главному управлению Федеральной службы исполнения наказаний по Нижегородской области и Федеральной службе исполнения наказаний России о взыскании компенсации морального вреда по кассационной жалобе Мосягина Михаила Геннадьевича на решение Вадского районного суда Нижегородской области от 4 апреля 2019 г., апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Нижегородского областного суда от 12 июля 2019 г. и определение судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 5 февраля 2020 г.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Асташова С.В., выслушав представителя Федеральной службы исполнения наказаний России Мелихова И.Ю., выступающего по доверенности и возражавшего против удовлетворения жалобы, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

установила:

Мосягин М.Г. обратился в суд с иском к ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по Нижегородской области, ГУФСИН России по Нижегородской

области и ФСИН России о взыскании компенсации морального вреда в размере 500 000 руб., ссылаясь на то, что при наличии противопоказаний для одиночного содержания под стражей он незаконно, без вынесения начальником следственного изолятора соответствующего постановления, содержался в одиночных камерах специального блока № ■ ФКУ СИЗО-■ ГУФСИН России по ■ области с 7 декабря 2015 г. по 21 апреля 2016 г.

Решением Вадского районного суда Нижегородской области от 4 апреля 2019 г. исковые требования удовлетворены частично. С Российской Федерации в лице главного распорядителя бюджетных средств – ФСИН России – в пользу Мосягина М.Г. за счёт средств казны Российской Федерации взыскана компенсация морального вреда в размере 300 руб.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Нижегородского областного суда от 12 июля 2019 г. решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Определением судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 5 февраля 2020 г. указанные судебные постановления оставлены без изменения.

В кассационной жалобе заявитель просит отменить названные судебные постановления, как принятые с нарушением закона.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации Марьина А.Н. от 18 сентября 2020 г. кассационная жалоба с делом передана для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

От представителя ответчиков поступили письменные возражения на кассационную жалобу.

Проверив материалы дела, обсудив доводы, изложенные в кассационной жалобе, и возражения на неё, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит жалобу подлежащей удовлетворению.

В соответствии со статьёй 390¹⁴ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации основаниями для отмены или изменения судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального права и (или) норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Такие нарушения допущены судами при рассмотрении настоящего дела.

Как установлено судом и следует из материалов дела, Мосягин М.Г. прибыл в ФКУ СИЗО-■ ГУФСИН России по ■ области 9 декабря 2015 г., а убыл 5 апреля 2016 г.

В соответствии со справкой о движении Мосягина М.Г. по камерам в период с 9 по 14 декабря 2015 г. он содержался в камере 2/55, в которой содержались три человека.

С 15 декабря 2015 г. по 19 февраля 2016 г. истец содержался в камере 175 специального корпусного блока один, за исключением 27 и 28 января 2016 г., когда там содержались три человека.

В дальнейшем Мосягин М.Г. содержался один: с 19 февраля по 16 марта 2016 г. – в камере 176, а с 16 марта по 5 апреля 2016 г. – в камере 172 специального корпусного блока.

Согласно справке о лицах, водворённых в камеры для одиночного содержания в 2016 году, 12 января и 10 февраля 2016 г. на заключённого под стражу Мосягина М.Г. были выписаны два постановления о водворении подозреваемого, обвиняемого, содержащегося в СИЗО, в камеру с одиночным содержанием № 175 специального корпусного блока.

25 июня 2018 г. Нижегородской прокуратурой по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях при проверке соблюдения законов и условий содержания подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осуждённых в ФКУ СИЗО ■ ГУФСИН России по Нижегородской области выявлено, что Мосягин М.Г. содержался в камере один, какие-либо сведения, подтверждающие необходимость его одиночного содержания, не представлены, постановление о содержании его в одиночной камере на срок более одних суток личное дело не содержит, что является нарушением статьи 32 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

По данному факту прокурором в адрес ФКУ СИЗО ■ внесено представление об устранении нарушений закона. Мосягину М.Г. дан ответ о том, что его доводы о нарушении закона при его одиночном содержании признаны обоснованными.

Согласно ответу врио начальника ФКУ СИЗО ■ от 3 августа 2018 г. на указанное представление осуждённый Мосягин М.Г. содержался в общих камерах ФКУ СИЗО ■ на одиночном содержании в связи с отсутствием возможности обеспечить соблюдение требований статьи 33 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» о раздельном содержании отдельных категорий лиц.

Одиночное содержание Мосягина М.Г. осуществлялось на основании мотивированного постановления начальника следственного изолятора, которое после его утверждения приобщается к камерной карточке подозреваемого, обвиняемого, осуждённого и хранится в картотеке в корпусном отделении. После окончания срока действия постановления исполняющий обязанности начальника корпусного отделения обязан был передать постановление для приобщения к личному делу подозреваемого, обвиняемого, осуждённого.

Из пояснений представителя ответчиков следует, что указанные постановления не были переданы в материалы личного дела Мосягина М.Г., их местонахождение не установлено, должностное лицо, исполнявшее обязанности начальника корпусного отделения, уволено 11 апреля 2016 г.

Согласно справке по личному делу Мосягина М.Г. сведений о его помещении в одиночную камеру при нахождении в ФКУ СИЗО с 9 декабря 2015 г. по 22 апреля 2016 г. не имеется.

Суд первой инстанции, установив факт незаконного содержания Мосягина М.Г. в одиночной камере в отсутствие соответствующего постановления начальника учреждения, пришёл к выводу о нарушении его прав и о наличии правовых оснований для взыскания компенсации морального вреда, определив её размер в 300 руб.

С выводами суда первой инстанции, в том числе с размером компенсации морального вреда, согласились суды апелляционной и кассационной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит, что обжалуемые судебные постановления приняты с существенным нарушением норм материального права и согласиться с ними нельзя по следующим основаниям.

Согласно части 2 статьи 21 Конституции Российской Федерации, а также статье 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию.

В пункте 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» разъяснено, что в соответствии со статьёй 3 Конвенции и требованиями, содержащимися в постановлениях Европейского Суда по правам человека, условия содержания под стражей должны быть совместимы с уважением к человеческому достоинству. Унижающим достоинство обращением признаётся, в частности, такое обращение, которое вызывает у лица чувство страха, тревоги и собственной неполноценности. При этом лицу не должны причиняться лишения и страдания в более высокой степени, чем тот уровень страданий, который неизбежен при лишении свободы, а здоровье и благополучие лица должны быть гарантированы с учётом практических требований режима содержания. Оценка указанного уровня осуществляется в зависимости от конкретных обстоятельств, в частности от продолжительности неправомерного обращения с человеком, характера физических и психических последствий такого обращения. В некоторых случаях принимаются во внимание пол, возраст и состояние здоровья лица, которое подверглось бесчеловечному или унижающему достоинство обращению.

Согласно позициям Европейского Суда по правам человека запрет на контакты с другими заключёнными по соображениям безопасности, по

дисциплинарным или защитным соображениям сам по себе не является бесчеловечным обращением или наказанием... Хотя длительное нахождение в изоляции нежелательно, вопрос о том, подпадает ли такая мера под действие статьи 3 Конвенции, зависит от конкретных условий, строгости меры, её продолжительности, преследуемой цели и её последствий для соответствующего лица... Одиночное заключение является одной из наиболее серьёзных мер, которые могут применяться в тюрьмах. Во избежание любого риска произвола в результате принятия решения о помещении заключённого в одиночную камеру это решение должно сопровождаться процессуальными гарантиями, гарантирующими благополучие заключённого и соразмерность меры (постановление от 27 февраля 2018 г. по делу «Шатохин против Российской Федерации»).

Одиночное заключение... может иметь чрезвычайно разрушительные последствия для психического и физического здоровья, а также для социальной устойчивости тех, к кому она применялась. Это пагубное последствие может быть незамедлительным и усугубляться, чем дольше длится мера и чем более неопределённой она является.

Комитет понимает термин «одиночное заключение» в смысле, что заключённого приказано содержать отдельно от других заключённых, например в результате решения суда, в качестве дисциплинарной санкции, введённой в рамках пенитенциарной системы, в качестве административной превентивной меры или для защиты заключённого.

Одиночное заключение ещё более ограничивает и без того весьма ограниченные права лиц, лишённых свободы. Дополнительные ограничения не присущи лишению свободы как таковому и, таким образом, должны быть обоснованы отдельно. Для проверки оправданности применения определённой меры целесообразно применять традиционные критерии..., такие как соразмерность, правомерность, подконтрольность, необходимость, запрещение дискриминации.

Учитывая потенциально весьма разрушительные последствия одиночного заключения, его можно использовать в качестве дисциплинарного наказания только в исключительных случаях и в качестве последнего средства, и в течение кратчайшего периода времени (постановление от 3 июля 2012 г. по делу «Развязкин против Российской Федерации»).

Комитет ООН по правам человека также отмечает, что продолжительное одиночное заключение содержащегося под стражей или лишённого свободы лица может приравниваться к актам, запрещённым статьей 7 Международного пакта о гражданских и политических правах (пункт 6 Замечания общего порядка № 20 – запрещение пыток, жестокого или бесчеловечного, или унижающего достоинство обращения и наказания, принято Комитетом по правам человека на его 44-й сессии, 1992 год).

Таким образом, обстоятельствами, имеющими значение для разрешения спора по настоящему делу, являлись наличие или отсутствие законных оснований для одиночного заключения, его необходимость и

соразмерность с учётом его длительности, наличие или отсутствие противопоказаний для одиночного заключения, а также наличие или отсутствие надлежащего документального оформления, обеспечивающего его подконтрольность.

Статьёй 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации предусмотрено, что вред, причинённый гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счёт соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

В соответствии с пунктом 2 статьи 1064 данного кодекса лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинён не по его вине.

Согласно статье 151 этого же кодекса, если гражданину причинён моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинён вред.

В силу пункта 1 статьи 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации основания и размер компенсации гражданину морального вреда определяются правилами, предусмотренными главой 59 (статьи 1064–1101) и статьёй 151 данного кодекса.

Размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причинённых потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости. Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учётом фактических обстоятельств, при которых был причинён моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего (пункт 2 статьи 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» разъяснено, что под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причинённые действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от

рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.) или нарушающими его личные неимущественные права либо нарушающими имущественные права гражданина (пункт 2).

При рассмотрении требований о компенсации причинённого гражданину морального вреда необходимо учитывать, что размер компенсации зависит от характера и объёма причинённых истцу нравственных или физических страданий, степени вины ответчика в каждом конкретном случае, иных заслуживающих внимания обстоятельств и не может быть поставлен в зависимость от размера удовлетворённого иска о возмещении материального ущерба, убытков и других материальных требований. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости. Степень нравственных или физических страданий оценивается судом с учётом фактических обстоятельств причинения морального вреда, индивидуальных особенностей потерпевшего и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о тяжести перенесённых им страданий (пункт 8).

В постановлении Европейского Суда по правам человека от 18 марта 2010 г. по делу «Максимов против России» указано, что задача расчёта размера компенсации является сложной. Она особенно трудна в деле, предметом которого является личное страдание, физическое или нравственное. Не существует стандарта, позволяющего измерить в денежных средствах боль, физическое неудобство и нравственное страдание и тоску. Национальные суды всегда должны в своих решениях приводить достаточные мотивы, оправдывающие ту или иную сумму компенсации морального вреда, присуждаемую заявителю. В противном случае отсутствие мотивов, например несоизмерно малой суммы компенсации, присуждённой заявителю, будет свидетельствовать о том, что суды не рассмотрели надлежащим образом требования заявителя и не смогли действовать в соответствии с принципом адекватного и эффективного устранения нарушения.

Из изложенного следует, что поскольку закон устанавливает лишь общие принципы определения размера компенсации морального вреда, то суду при разрешении спора необходимо в совокупности оценить конкретные незаконные действия причинителя вреда, соотнести их с тяжестью причинённых потерпевшему физических и нравственных страданий и индивидуальными особенностями его личности, учесть заслуживающие внимание фактические обстоятельства дела, а также требования разумности, справедливости и соразмерности компенсации последствиям нарушения прав как основополагающие принципы, предполагающие установление судом баланса интересов сторон. При этом соответствующие мотивы о размере компенсации морального вреда должны быть приведены в судебном постановлении.

Согласно позиции Европейского Суда по правам человека не всякое нарушение должно влечь за собой присуждение денежной компенсации морального вреда, в отдельных случаях достаточным является признание самого факта нарушения прав заявителя (постановления Европейского Суда по правам человека от 10 января 2012 г. по делу «Ананьев и другие против Российской Федерации» и от 15 марта 2011 г. по делу «Шандров против Российской Федерации»).

Однако, если суд пришёл к выводу о необходимости присуждения денежной компенсации, то её сумма должна быть адекватной и реальной.

В противном случае присуждение чрезвычайно малой, незначительной денежной суммы означало бы игнорирование требований закона и приводило бы к отрицательному результату, создавая у потерпевшего впечатление пренебрежительного отношения к его правам.

В постановлении Европейского Суда по правам человека от 17 декабря 2009 г. по делу «Шилбергс против Российской Федерации» указано, что вопрос о разумности присуждённой суммы должен оцениваться с учётом всех обстоятельств дела, которые включают также значимость присуждённой компенсации в контексте обычного уровня жизни и общего уровня доходов в данном государстве и тот факт, что средство правовой защиты в национальной системе проще в использовании и более доступно, чем жалоба в Европейский Суд по правам человека.

По настоящему делу суды признали установленным факт нарушения прав заявителя со стороны администрации следственного изолятора, которое выразилось в длительном, более 114 дней, содержании истца в одиночной камере в отсутствие какого-либо обоснования и без соблюдения обязательных в таком случае формальных требований – в отсутствие постановления начальника следственного изолятора.

При этом в силу требований закона (пункт 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации) обязанность доказать отсутствие вины и законность их действий лежала на ответчиках, особенно с учётом того, что лицо, заключённое под стражу, ограничено в возможности собирания и представления доказательств.

Ссылаясь на необходимость раздельного содержания различных категорий подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осуждённых, ответчики, как это следует из судебных постановлений и материалов дела, не привели каких-либо конкретных фактов применительно к ситуации с заявителем и каких-либо доводов о непреодолимости этих обстоятельств.

Установив такие обстоятельства, суд, в нарушение приведённых положений закона и актов их толкования, при обосновании размера компенсации морального вреда лишь формально сослался на принципы разумности и справедливости, а также на учёт личностных характеристик истца, не указывая, в чём они выражаются.

Определяя размер компенсации в 300 руб., суд указал на недопустимость неосновательного обогащения, что противоречит смыслу приведённых выше норм права и актов их толкования, согласно которым

денежная компенсация морального вреда не является возмещением материальных потерь, а следовательно, не может рассматриваться как обогащение.

Таким образом, судом не обоснован определённый им размер компенсации морального вреда, что в контексте настоящего дела является существенным нарушением норм права.

Последующие судебные инстанции данные нарушения закона не устранили.

С учётом изложенного принятые по настоящему делу судебные постановления нельзя признать законными, при этом допущенные нарушения закона не могут быть устранены без нового рассмотрения дела, поскольку это требует установления, исследования и оценки фактических обстоятельств дела.

Согласно части 1 статьи 327 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации суд апелляционной инстанции повторно рассматривает дело в судебном заседании по правилам производства в суде первой инстанции с учётом особенностей, предусмотренных главой 39 данного кодекса.

Повторное рассмотрение дела в суде апелляционной инстанции предполагает проверку и оценку фактических обстоятельств дела и их юридическую квалификацию (пункт 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции»).

Названные выше требования закона и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации судом апелляционной инстанции при рассмотрении настоящего дела выполнены не были. Не были устранены указанные нарушения закона и судом кассационной инстанции.

Исходя из изложенного, а также принимая во внимание необходимость соблюдения разумных сроков судопроизводства (статья 6¹ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации), Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации приходит к выводу, что при рассмотрении настоящего дела судами допущены нарушения норм права, которые являются существенными и которые не могут быть устранены без нового рассмотрения дела, в связи с чем находит нужным отменить апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Нижегородского областного суда от 12 июля 2019 г. и определение судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 5 февраля 2020 г. и направить дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Руководствуясь статьями 390¹⁴, 390¹⁵, 390¹⁶ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

определила:

апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Нижегородского областного суда от 12 июля 2019 г. и определение судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 5 февраля 2020 г. отменить, дело направить на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Председательствующий

Судьи